

Радеев Артем Евгеньевич

КАЗУС "ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ" В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭСТЕТИКЕ

В статье определяется контур понятия "эстетическое отношение к действительности" в советской эстетике, раскрываются его истоки. Автор приходит к выводу, что отечественная традиция "эстетического отношения к действительности" была сформирована работами Н. Г. Чернышевского и М. А. Лифшица. Следствием этого, по мнению автора, стало то, что современные отечественные исследования во многом ориентированы не на анализ эстетического отношения как такового, как это представлено в зарубежных работах, а на исследование эстетического отношения к действительности, понятие о котором во многом остается нестрогим.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 160-164. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

11. Сеченов И. М. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 2. Физиология нервной системы. Физиологические механизмы деятельности центральной нервной системы. 946 с.
12. **Философия и будущее цивилизации:** тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (г. Москва, май 2005 г.). М.: Современные тетради, 2005. Т. 1. 768 с.
13. Шеннон К. Е. Работы по теории информации и кибернетике / пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 830 с.
14. Эшби У. Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 432 с.

INTERACTION OF COMPUTER AND SCIENCE AS BRIDGING THE GAP BETWEEN CULTURES

Pozdneva Svetlana Pavlovna, Doctor in Philosophy, Professor
National Research Saratov State University
maslovrv@gmail.com

The subject of the article is the computerization of science. The author examines the following aspects of science computerization: the main features of the computer revolution of the XXI century; the peculiarities of “universal organizational science – tectology” by Bogdanov; works on artificial intelligence. The principal conclusion and novelty of the conducted study are in the fact that the interaction of the computer and science gives a real opportunity to bridge the gap between two cultures – pertaining to the humanities and natural-science ones.

Key words and phrases: informational revolution; tectology; computer; cybernetics; artificial intelligence.

УДК 18+7.011

Философские науки

В статье определяется контур понятия «эстетическое отношение к действительности» в советской эстетике, раскрываются его истоки. Автор приходит к выводу, что отечественная традиция «эстетического отношения к действительности» была сформирована работами Н. Г. Чернышевского и М. А. Лифшица. Следствием этого, по мнению автора, стало то, что современные отечественные исследования во многом ориентированы не на анализ эстетического отношения как такового, как это представлено в зарубежных работах, а на исследование эстетического отношения к действительности, понятие о котором во многом остается нестрогим.

Ключевые слова и фразы: эстетическое отношение; общественные отношения; советская философия; Н. Г. Чернышевский; М. А. Лифшиц.

Радеев Артем Евгеньевич, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
artem_radeew@mail.ru

КАЗУС «ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭСТЕТИКЕ

Как правило, философские понятия возникают для того, чтобы указать на устойчивый круг проблем и определить линии их решения. Именно к таким понятиям можно отнести «эстетическое отношение», возникшее в XX в. для обозначения скопившихся к тому времени эстетических проблем и определения способов их решения. Существует ли особое эстетическое отношение или же оно производно от иных отношений (например, познавательного и оценочного)? Можно ли считать очевидным, что именно незаинтересованность выступает основанием эстетического отношения или же необходимо выдвигать иные основания? Формирует ли эстетическое отношение свой объект или же, напротив, существование эстетического объекта вызывает эстетическое отношение к нему? Эти и другие проблемы стали предметом серьезных дебатов, развернувшихся, прежде всего, в англо-американской эстетике [11; 12].

В отечественной традиции также присутствуют исследования относительно проблематики эстетического отношения, однако вызывает удивление тот факт, что, как правило, в ней имеется терминологическое уточнение – разбирается не столько эстетическое отношение как таковое, сколько «эстетическое отношение к действительности» (а также к миру, человеку, природе, искусству). Эти добавления не могут не смущать своей нестрогостью, особенно если учесть, что в других традициях именно об эстетическом отношении *безотносительно к чему бы то ни было* ведутся споры и развивается проблематика. Имеет ли такое уточнение проблематики эстетического отношения свои основания? Имеется ли в виду что-то определенное, если вести речь не об эстетическом отношении как таковом, а об эстетическом отношении к действительности?

История отечественной эстетики уже давно приковала к себе внимание, в России и за рубежом выходят работы как по общим [8; 13], так и по частным ее вопросам. Несмотря на это, не существует исследований того, каким же образом трактуется проблематика эстетического отношения к действительности в отечественной

эстетике, хотя сама эта проблематика – наравне с вопросами о статусе искусства и отношении этического и эстетического – занимает в ней одно из центральных мест.

Поэтому, чтобы ответить на указанные вопросы, я хотел бы, во-первых, определить, какой смысл этому понятию придаётся в отечественной традиции, для чего необходимо обозначить контур проблем, в пределах которого встречается данное понятие; во-вторых, рассмотреть, каковы истоки этого понятия, в связи с этим следует выделить в пределах обозначенного контура основания для формирования проблематики «эстетического отношения к действительности»; в-третьих, сделать выводы относительно этого понятия в отечественной традиции эстетической теории.

Контур проблем «эстетического отношения к действительности»

В отечественных исследованиях проблематика «эстетического отношения к действительности» раскрывается с прикладной и фундаментальной сторон.

Что касается прикладной стороны, то значительный массив работ об «эстетическом отношении к действительности» сконцентрирован вокруг проблем эстетического воспитания. Формирование у детей эстетического отношения к человеку и окружающему миру, формирование эстетического отношения к профессии, формирование эстетического отношения подростков к труду – далеко не полный, но характерный для отечественной эстетики перечень проблем эстетического воспитания. Также в разных аспектах представлена разработка проблематики эстетического отношения в искусствоведении, дизайне.

Прикладные исследования опираются на фундаментальные работы, в которых рассматривается «эстетическое отношение к действительности» как таковое. В советские времена постепенно складываются отдельные школы (хотя множество авторов и несводимо к ним): московская (Ю. Б. Борев, М. Ф. Овсянников, Е. Г. Яковлев и др.), ленинградская (М. С. Каган, Э. П. Юровская и др.), свердловская (А. Ф. Еремеев и др.). Эстетическое отношение у этих авторов, как правило, рассматривается через познавательное или ценностное отношение к предмету, в основе которых, в свою очередь, лежат общественные отношения. Так, М. С. Каган пишет: «Эстетическое ощущение формы выросло из того радостного самочувствия, которое возбуждала организованность трудового процесса, облегчавшая труд и повышавшая его производительность; такие же переживания вызывала организованность облика создаваемого предмета, так как с орудием правильной формы <...> было удобнее, легче, эффективнее, а значит, и приятнее работать» [4, с. 120]. Схожие идеи (при всем их многообразии и несводимости друг к другу) можно найти и у других эстетиков советского периода.

Если наметить контур представлений об эстетическом отношении в отечественной эстетике, то можно отметить две его особенности.

Во-первых, под самим отношением имеется в виду то, что в психологии получило название установки: эстетическое отношение подразумевает определенную настроенность на то, чтобы предмет предстал эстетическим (и поэтому не случайно английское “aesthetic attitude” на русский язык переводят то как «эстетическое отношение», то как «эстетическую установку»).

Во-вторых, «эстетическое отношение к действительности» подразумевает, что (а) есть некий субъект («человек», «ребенок», «студенты»), (б) находящийся в одном из возможных отношений к предмету («действительности», «миру», «природе», «искусству», «профессии»), которое (в) по определенным признакам («форма», «настроенность», «незаинтересованность») возможно назвать эстетическим. Этот контур по-советски понятно «эстетического отношения к действительности» продолжает во многом определять и современные отечественные исследования эстетического отношения как с фундаментальной, так и с прикладной сторон.

Истоки понятия эстетического отношения к действительности

С большой долей вероятности можно предположить, что за многообразием отечественного представления об «эстетическом отношении к действительности» стоит один или несколько источников, послуживших отправной точкой для последующих форм разнообразия этого понятия.

В самом деле, еще в середине XIX в. была написана работа, за пределами ценившаяся в отечественной философии и разрабатывавшая проблематику со схожей терминологией. Речь, безусловно, об «Эстетических отношениях искусства к действительности» Н. Г. Чернышевского.

Творчество Чернышевского, как известно, особо почиталось в СССР: одна только апокрифическая фраза В. И. Ленина о том, что роман «Что делать?» его перепахал, значила многое, сам роман входил в обязательную школьную программу, и ряд изданий работ и собраний сочинений только способствовали глубокому укоренению восприятия Чернышевского в советской культуре. Не была обойдена вниманием и магистерская диссертация Чернышевского: о ней были написаны десятки статей и монографий, а после введения курсов по эстетике в вузах эта работа стала одной из самых изучаемых, вследствие чего эстетическая концепция Чернышевского хорошо исследована, вряд ли можно найти в ней какие-либо потайные уголки, до сих пор неосвоенные историей эстетики.

Поэтому в контексте поставленного вопроса имеет смысл обратить внимание лишь на ряд деталей, проливающих свет на «эстетические отношения искусства к действительности».

Несмотря на то, что в автореферате Чернышевский указывает, что его задача – это приложить «основные идеи Фейербаха к разрешению эстетических вопросов...» [10, с. 205], все же необходимо признать, что основной эстетический вопрос берется Чернышевским из известного заочного спора между Кантом и Гегелем. Этот спор выразился в вопросе: что выше – красота в природе или красота в искусстве? Как известно, первой позиции придерживался Кант, полагая, что красота в природе – свободная, т.к. она лишена понятия о цели, в то время как «в произведениях искусства мы должны как бы видеть природу, сознавая при этом,

что перед нами искусство» [5, с. 180]. Гегель отстаивал вторую позицию, утверждая, что красота в искусстве выше, поскольку в любом продукте человеческой деятельности есть дух, в то время как в природе есть лишь одна природная необходимость: «Красота искусства является красотой, рожденной и возрожденной на почве духа, и насколько дух и произведения его выше природы и ее явлений, настолько же прекрасное в искусстве выше естественной красоты» [2, с. 80]. История этого спора составляет одну из важнейших страниц истории эстетики XIX в. – уточнялись границы понятий природы и искусства, оттачивались аргументы за и против, пока в XX в. этот спор постепенно сошел на нет под воздействием размывания границ понятий искусства и природы и постановкой вопросов в эстетике, представлявших к тому времени более актуальными, нежели спор о красоте в природе и в искусстве.

Чернышевский с ясностью отстаивает именно кантовскую линию в этом споре, предлагая свою аргументацию «от жизни». Поскольку красота – это жизнь, то и «первое значение искусства, принадлежащее всем без исключения произведениям его, – воспроизведение природы и жизни. Отношение их к соответствующим сторонам и явлениям действительности таково же, как отношение гравюры к той картине, с которой она снята, как отношение портрета к лицу, им представляемому <...> Гравюра [не лучше картины, с которой снята, она гораздо хуже этой картины] в художественном отношении; так и произведение искусства никогда не достигает красоты или величия действительности» [10, с. 146]. Это означает, что под вопросом об отношении искусства к действительности имеется в виду вопрос о том, что выше и что служит основанием для другого – искусство или жизнь (а понятия «жизнь», «природа» и «действительность» Чернышевский использует как синонимы). Следовательно, само понятие отношения трактуется как форма воздействия одного на другое: именно в том случае имеет смысл спрашивать об «эстетических отношениях искусства к действительности», если имеется возможность элементы этого отношения рассматривать с точки зрения воздействия одного на другое. Ответ Чернышевского, как известно, в том, что красота в искусстве «может иметь преимущество перед действительностью разве только в двух-трех ничтожных отношениях и по необходимости остается далеко ниже ее в существенных своих качествах» [Там же, с. 136]. Искусство воспроизводит жизнь, но именно поэтому оно ниже самой же жизни – вот каков аргумент Чернышевского, типичный для кантовской линии в главном эстетическом споре XIX в.

При этом само отношение искусства к действительности, по Чернышевскому, возможно сравнить с отношением истории: «Искусство относится к жизни совершенно так же, как история; различие по содержанию только в том, что история [рассказывает о жизни человечества, заботясь более всего о фактической правде, искусство дает о жизни людей рассказы, в которых фактическая правда заменяется верностью психологической и нравственной истине]» [Там же, с. 159-160]. Как видно, здесь уже уточняется, что именно производит отношение: в случае с историей эффектом отношения к действительности является «фактическая правда», в случае с искусством – «верность психологической и нравственной истине». Поэтому вторичность искусства по отношению к действительности не означает его бесполезность: в том, что искусство воспроизводит действительность, есть и нечто, имеющее отношение к самой же действительности и сказывающееся на ней же самой (ибо и фактическая правда, и нравственная истина изменяют и саму жизнь). Что-то аналогичное было и в аргументации Канта: несмотря на то, что красота в искусстве ниже, чем красота в природе, все же в искусстве имеется эстетическая идея, которая в самой природе не дана, а сами же эстетические идеи сказываются на воспитании эстетического вкуса, который, в свою очередь, влияет и на то, как воспринимается красота в природе.

Таким образом, под анализом «эстетических отношений искусства к действительности» у Чернышевского имеется в виду рассмотрение того, каким же образом искусство (прежде всего – прекрасное в нем) воспроизводит действительность, т.е. прослеживание того, «каково отношение прекрасного в определенных искусствах к прекрасному в действительности, производимому природою независимо от стремления человека к прекрасному» [Там же, с. 114], а также рассмотрение следствий из этого отношения.

Нетрудно заметить, что термин «эстетические отношения искусства к действительности» в том виде, как он дан у Чернышевского, схож на словесном уровне с «эстетическим отношением к действительности» из последующей отечественной эстетики, но на смысловом уровне имеется нечто совершенно другое. То «эстетическое отношение к действительности», которое получило распространение в последующие годы – это, как уже отмечалось выше, не отношение как воспроизведение искусством жизни, а отношение как установка субъекта по отношению к жизни.

Это расхождение вынуждает признать, что имеется иной источник, послуживший основанием для другого толкования «эстетического отношения к действительности». В этом значении термин получает повсеместное распространение в отечественной науке с конца 50-х гг. XX в. Однако источником, от которого, по-видимому, и следует вести историю по-советски понятого «эстетического отношения к действительности», являются все же не авторы работ, созданных в «золотую эпоху» советской эстетики (по выражению И. В. Малышева и Л. Н. Столовича), а автор, начавший свою деятельность несколько ранее, в 20-е гг. XX в. Речь идет о М. А. Лифшице, фигуре неоднозначной для отечественной философии – диапазон оценок его работ колеблется от уважительно-почтительных [9] до негативно-пренебрежительных [3, с. 120-142]. Как бы то ни было, именно в его статьях «К вопросу об эстетических взглядах Маркса» и «Эстетические взгляды Маркса» (первая была опубликована в «Журнале Объединения кафедр общественных наук Вхутеина» в 1927 г., вторая – в «Литературной энциклопедии» 1932 г.) впервые встречаются рассуждения об «эстетическом отношении к действительности» в том значении, в котором это понятие стало использоваться в отечественной эстетике.

В статье «К вопросу об эстетических взглядах Маркса», анализируя марксовские «способы производства» (азиатский, античный, феодальный и буржуазный), М. А. Лифшиц пишет: «При азиатском способе производства человек лишен возможности эстетически, бескорыстно относиться к форме вещи. Это необходимое следствие грубости первобытного хозяйства, рабства и зависимости людей. В капиталистическом обществе господствующие классы обладают, по-видимому, всем необходимым для того, чтобы развивать в себе *эстетическое отношение к миру* (выделено мною – А. Р.)» [6, с. 221]. Схожим образом речь идет об эстетическом отношении и в работе «Эстетические взгляды Маркса», где, рассматривая марксистскую проблему «освоения» и «распредмечивания» мира, Лифшиц делает такое замечание: «Вместе с развитием предметной деятельности, т.е. материального производства, развиваются и наши способности; “потребление выходит из своей первоначальной грубости и непосредственности” и в свою очередь оказывает влияние на производство, завершая его, “усиливая способность производить, развитую в первом акте производства, посредством повторения до степени искусства”. Таково *диалектическое* разрешение проблемы субъективного и объективного в художественном творчестве и *эстетическом отношении к действительности* (выделено мною – А. Р.)» [7, с. 887-888]. Очевидно, что в обоих случаях понятие эстетического отношения к действительности дано в духе марксистской теории общественных отношений: именно в результате складывания последних возникает эстетическое отношение к предмету. Для этой теории важно, что само отношение носит преобразующий характер: направленность отношения к предмету в этой теории составляет одну из главных ее черт. У Чернышевского речь шла о том, что именно искусство определенным образом воспроизводит действительность, в марксистской же теории общественных отношений речь идет не столько об искусстве, сколько о субъектах, эстетическое отношение которых связано с общественными отношениями. Для того чтобы подчеркнуть эту направленность в марксистском духе, и вводится для понятия эстетического отношения добавление «к действительности», столь удобно предложенное Чернышевским, хотя и с несколько иным смыслом.

Именно такое соединение терминологии Чернышевского и Маркса и производит М. А. Лившиц в своих ранних работах, затем же в силу популярности и убедительности для советской науки всех троих термин «эстетическое отношение к действительности» приобретает массовый характер – настолько, что даже чуждый советской философии М. М. Бахтин в «Проблемах поэтики Достоевского» (1963) пишет как само собой разумеющееся, что «смех – это определенное, но не поддающееся переводу на логический язык эстетическое отношение к действительности, то есть определенный способ ее художественного видения и постижения, а следовательно, и определенный способ построения художественного образа, сюжета, жанра» [1, с. 184]. В эстетических же исследованиях начиная с конца 50-х гг. «эстетическое отношение к действительности» становится одним из само собой разумеющихся понятий, многообразие применений которого было обозначено выше.

Выводы

Если ретроспективно рассмотреть развитие понятия эстетического отношения к действительности в отечественной философии, то его можно представить в виде следующих вех:

- 1) «эстетическое отношение искусства к действительности» у Чернышевского как воспроизведение искусством жизни;
- 2) «эстетическое отношение к действительности» у Лифшица как результат общественных отношений;
- 3) «эстетическое отношение к действительности» в работах, начиная с «золотого века» советской эстетики (и по сегодняшнюю пору), как отношение, направленное на «предмет», «мир», «реальность» и преобразующее последнее.

В пределах данной работы нет возможности ответить на вопрос, какие смысловые оттенки вносились в понятие «действительности» в отличие от зарубежных традиций, где «эстетическое отношение» рассматривалось как таковое, однако приведенный выше анализ позволяет сделать предварительный вывод, что если зарубежная традиция смысловой упор при анализе эстетического отношения делает на *определении характера складывания* этого отношения, то для отечественной традиции важнее *определение общественного характера* эстетического отношения. Если первая рассматривает эстетическое отношение как определенный процесс, и в центре внимания эстетиков находится то, чем же, собственно, характеризуется этот процесс («восприятием формы», «дистанцированностью», «незаинтересованностью» или иными чертами), то вторая трактует его как общественное отношение, для которого важна направленность на сам предмет. Само марксовское понятие общественных отношений для представителей советской философии играло определяющую роль, в связи с чем и «эстетические отношения искусства к действительности» стали рассматриваться исключительно как результат общественных отношений. Отечественная традиция во многом была зависима (и, как показывают современные исследования, зависима до сих пор) от марксистской теории общественных отношений, и это выражается, в частности, в продолжающемся использовании представления об отношении к действительности, за которым стоит, по-видимому, авторитет Н. Г. Чернышевского (на терминологическом уровне) и марксистская идея эстетического отношения к действительности в марксистской интерпретации с подачи М. А. Лифшица (на уровне смысловом). С этим же связано и то, что, к сожалению, в некоторых вопросах отечественная традиция была не строга к терминологии, вследствие чего «действительность» легко заменяется на «мир», «реальность», «предмет» или «вещь».

Сделанные замечания позволяют заключить, что «эстетическое отношение к действительности» являет собою в отечественной эстетике *казус* – в том смысле, в каком говорил о казусе Ницше: частный случай, который скрывает за собою не одну, а целый спектр тенденций, выявлять которые может и должна история эстетики.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 800 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике: в 2-х т. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. 622 с.
3. Каган М. С. О времени и о себе. СПб.: Петрополис, 1998. 157 с.
4. Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997. 544 с.
5. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. М.: Искусство, 1994. 367 с.
6. Лифшиц М. А. К вопросу об эстетических взглядах Маркса // Лифшиц М. А. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Изобразительное искусство, 1984. Т. 1. С. 214-222.
7. Лифшиц М. А. Эстетические взгляды Маркса // Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6. С. 843-920.
8. Малышев И. В. Золотой век советской эстетики. М.: Пробел-2000, 2007. 72 с.
9. Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 463 с.
10. Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения: в 3-х т. М.: Госиздат политической литературы, 1950. Т. 1. 872 с.
11. Dickie G. The Myth of the Aesthetic Attitude // American Philosophical Quarterly. 1964. Vol. 1. No. 1. P. 56-65.
12. Dziemidok B. Controversy about Aesthetic Attitude: Does Aesthetic Attitude Condition Aesthetic Experience? // Possibility of the Aesthetic Experience / ed. by M. H. Mitias. Martinus Nijhoff Philosophy Library, 1986. P. 139-158.
13. Swiderski E. M. The Philosophical Foundations of Soviet Aesthetics: Theories and Controversies in the Post-War Years. N. Y.: Springer, 1979. 229 p.

CASUS OF "ESTHETIC ATTITUDE TO REALITY" IN DOMESTIC ESTHETICS

Radeev Artem Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
artem_radeew@mail.ru

The article determines an outline of the notion "esthetic attitude to reality" in Soviet esthetics, its sources are disclosed. The author draws a conclusion that the domestic tradition of "esthetic attitude to reality" was formed by the works of N. G. Chernyshevsky and M. A. Lifshits. As a result, in the author's opinion, contemporary domestic studies are mainly focused not on the analysis of esthetic attitude as such, as it is presented in foreign works, but on the examination of esthetic attitude to reality, the idea about which remains unrigorous to a large extent.

Key words and phrases: esthetic attitude; public relations; Soviet philosophy; N. G. Chernyshevsky; M. A. Lifshits.

УДК 130.122

Философские науки

В статье исследуется автобиография в контексте индивидуализирующего понимания истории: неокантианцами выдвигается положение о своеобразии истории как специфической формы научного познания, не сводимой к познанию естественнонаучному. Представители баденской школы считали, что философия должна заниматься теорией познания, то есть исследовать условия, принципы и структуру познавательной деятельности. Высшей ценностью истории, по мнению неокантианцев, является свободно действующая, неповторимая индивидуальность. Следовательно, в историческом знании важным оказывается постижение индивидуального исторического события в его неповторимости, однократности и уникальности.

Ключевые слова и фразы: неокантианцы; баденская школа; номотетический метод; идеографический метод; «возвращение к сознанию»; познавательная деятельность; историческое бытие; автобиография; индивидуализирующее понимание истории.

Райх Калина Геннадьевна

Дальневосточный государственный институт искусств, г. Владивосток
kalina.raih@mail.ru

АВТОБИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩЕГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Развитие философии есть не только постановка новых вопросов, рождение новых теоретических конструкций. Развитие философии – это «обнаружение новых взаимосвязей старых философских проблем» [6, с. 67]. Жизнь одного человека как целенаправленно созданный продукт интеллектуальной деятельности становится доступным непосредственному изучению реальным объектом. Результатом такого изучения становится новое знание, которое, в свою очередь, дает новый смысл в понимании происходивших процессов и явлений. Смысл помогает нам не только осознать закономерности понимания процессов и явлений, но и создает систему понятий, с помощью которых познается мир. В автобиографии находит свое выражение проблема специфики человеческого способа бытия.